
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ИНТЕРАКЦИОНИЗМ И ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
УСТАНОВКИ

© 2012 г. И. В. Имедадзе

*Член-корреспондент Национальной академии наук Грузии,
директор Института психологии им. Д. Узнадзе, Тбилиси
e-mail: irimedi@yahoo.com*

Рассматриваются требования, которым должна отвечать подлинно интеракционистская общепсихологическая теория. Эксплицированы конкретные задачи, стоящие перед такой теорией. Отмечается, что направленность общепсихологической теории установки Д. Узнадзе с самого начала была истинно интеракционистской. В концептах установки и коинциденции был последовательно проведен принцип изначального единства факторов поведения – как с позиции индивид–среда, так и соотношения врожденного и приобретенного.

Ключевые слова: интеракционизм, теория установки, внутреннее–внешнее, врожденное–приобретенное, системообразующий фактор, теория коинциденции, фиксированные и диспозиционные установки.

Дихотомия диспозиционизма–ситуационизма в психологии стала предметом острой дискуссии. Одни исследователи предполагают, что поведение, по сути, определено внутренними факторами, другие приписывают эту роль внешним факторам. В данную дискуссию включены специалисты как психологии личности, так и социальной психологии. Решающего преимущества до сих пор не удалось достичь ни одной из сторон, поскольку обе располагают довольно серьезными аргументами в пользу своей позиции.

Правомерным не могут быть ни односторонний ситуационизм, ни односторонний диспозиционизм. Поведение предопределено как личностными, так и ситуационными факторами, и прогнозирование поведения с необходимостью подразумевает учет и того, и другого. Поэтому, невзирая на то, что в современном персонализме и социальной психологии дилемма “ситуация–диспозиция” все еще остается актуальной, проблема определенным образом видоизменилась: радикализм позиций сменило признание приоритетности одного из аспектов. Параллельно набирает силу и иной взгляд – т.н. “интеракционизм”, вообще отрицающий подобное противопоставление. *Истинный и последовательный интеракционизм исходит из тезиса принципиальной равноценности внутренних и внешних факторов.* Критический фактор, непосредственно детерминирующий по-

ведение, создается через взаимодействие личностных качеств и ситуации. В этом состоит основная идея интеракционизма [26, 27].

В том или ином виде данная идея ранее уже была проведена в теоретических системах таких выдающихся психологов, как В. Штерн, К. Левин, Г. Мюррей, Д. Келли, Р. Кеттел, Ж. Нюттен, Д. Роттер, А. Бандура, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др. Многообразие разновидностей интеракционизма – установленный факт [29], обусловленный *отсутствием единой методологии, т.е. теории об интеракционистской теории.* Анализ специальной литературы показывает, что не согласованы позиции по главным вопросам, а без этого создание настоящей интеракционистской концепции невозможно.

Целью данной работы является анализ основных методологических принципов интеракционизма с точки зрения общепсихологической теории установки.

ИЗНАЧАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ
ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ

Говоря о модели поведения в интеракционизме, следует выяснить соотношение между такими понятиями, как совместное действие, взаимодействие и единство. *Совместное действие*

подразумевает механическую сумму факторов; *взаимодействие* указывает уже на наличие определенных функциональных связей, однако речь идет об увязке изначально обособленных и автономных факторов. *Единство* означает объединение факторов в новый фактор как непосредственную детерминанту поведения. Истинному интеракционизму следует стремиться к созданию именно такой модели. Однако это окажется возможным лишь при условии, что первичные (внутренние и внешние) факторы не представляют собой принципиально разобщенные и гетерогенные начала активности, что определенное единство между ними существует еще до их интеракции в конкретном поведении. Дело в том, что реальное взаимодействие в случае принципиально различных и разграниченных членов, не имеющих ничего общего, состояться просто не может. Здесь в определенном смысле встает та же проблема, что и в случае классической психофизической проблемы – духовная и материальная субстанции должны иметь хоть какую-то точку соприкосновения, чтобы их взаимодействие было принципиально возможным. В современной психологии постепенно осознается, что *постулат изначальной обособленности внутренних и внешних факторов* методологически ошибочен и теоретически бесплоден [3, 9]. Самое большее, что можно создать на его основе, – это длинный ряд факторов, органическая и естественная интеграция которых в единую целостность останется неразрешимой проблемой.

Таким образом, внутренние и внешние, субъективные и объективные факторы серьезно влияют друг на друга еще до их увязки в конкретной активности, причем это влияние носит двусторонний характер. Во влиянии субъекта на ситуацию можно выделить по меньшей мере два аспекта. Если говорить в более обобщенном плане, то *личность сама создает свое культурное, социальное окружение и преобразует физический мир. Наряду с этим и личная среда преимущественно определяется и конструируется самим человеком.* Индивиды сами выбирают, где им учиться, жить, работать, развлекаться, с кем дружить и т.д. Этот выбор, пусть даже частично, предопределен их личностными качествами. Экстраверт, например, скорее предпочтет провести вечер в веселой компании, тогда как интроверт не склонен посещать шумные вечеринки. Одним словом, человек сам создает и ограничивает ситуации, в которых ему приходится жить и действовать. Понятие ситуации включает часть среды, так или иначе затрагивающую субъекта.

Второй аспект воздействия личности на среду состоит в том, что человек по сути имеет дело не со средой (в ее объективном, intersubъективном смысле), а *индивидуально осмысленным содержанием ситуации*. “Реальная среда, в которой мы ощущаем, воспринимаем, думаем и действуем, – это воспринятый и осмысленный нами мир” [28, с. 232]. Ситуация, как включенный в интеракцию реальный фактор, представляет собой результат субъективной интерпретации человека, а потому она уже изначально обусловлена внутренними, личностными переменными. Это может быть как контекстная, связанная с текущим субъективным состоянием семантика, так и значения ситуации, предопределенные такими фундаментальными моментами, как знания человека и его жизненная история. В силу всего этого восприятие ситуации всегда достаточно индивидуально: количество оценок ситуации равно числу ее участников. Более того, одна и та же ситуация для одного и того же человека может иметь разное значение. Между прочим, именно это обстоятельство и учитывал Д. Узнадзе, разграничив почти восемьдесят лет тому назад понятия среды и ситуации. Ситуация, по мнению Д. Узнадзе, представляет собой часть среды, соответствующую, релевантную господствующей мотивации и возможностям индивида. Таким образом, ситуация – это субъективно прочитанная среда.

И индивид, в свою очередь, испытывает воздействие среды. Здесь также можно выделить два аспекта. *Один – актуальный аспект; индивид всегда принимает во внимание ситуацию нынешнего или будущего поведения с тем, чтобы поведение носило целесообразный характер; второй аспект – генетический; становление личности протекает в условиях постоянного и решающего воздействия среды (ситуации).* Формирование личностных качеств, диспозиций, ценностей, отношений, ожиданий и пр. происходит в основном в результате аккумуляции ситуативного, жизненного опыта.

Таким образом, *между факторами поведения есть существенная связь*: они уже изначально подразумевают и обуславливают друг друга. Обособленное рассмотрение этих факторов является определенной абстракцией. Ведь в действительности не существуют ни оторванный от среды индивид с абсолютно замкнутым в себе внутренним миром, ни культурная, социальная среда, изначально не подразумевающая и не отражающая личностное, внутреннее. Вследствие всего этого участвующие в интеракции факторы изначально обоюдно “насыщены” и сензитивны. Именно

благодаря этому в процессе активности и возникает возможность их сущностной и органической увязки.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЧЛЕНОВ ИНТЕРАКЦИИ И ИХ ПСИХИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Однако для создания полноценной интеракционистской теории только понимания этого все-таки недостаточно. Необходимо составить *полный номенклатурный список членов интеракции, т.е. всех переменных, входящих во внутренние и внешние факторы поведения, и установить соотношение между ними*. Пестрота психологических теорий и содержательные различия между ними обусловлены, прежде всего, рассмотрением различных переменных в разных комбинациях, особенно когда дело касается внутреннего фактора. Что только ни вводится в его содержание: потребности, мотивы, интересы, ценности, цели, установки, ожидания, темперамент, тревога, стресс, способности, навыки, знания, характер, личностные черты, образ Я, самооценка и многое другое. В принципе, все это действительно существует и, следовательно, представляет собой структурные единицы внутреннего фактора. Но беда состоит в отсутствии концептуальной системы, в которой были бы охарактеризованы все без исключения переменные и крайне многообразные соотношения между ними. Без этого получается, что различные психологические теории говорят, по сути, о разных вещах, а потому, естественно, не могут найти общий язык. Это и есть главный симптом т.н. «кризиса психологии» [17, 25]. Без согласованности по данному вопросу разработка полноценной и единой модели интеракционизма принципиально невозможна.

Содержание внешнего фактора кажется более определенным. Используя формулировку К. Левина, можно сказать, что в состав среды или ситуации входят все факты физического, социального и понятийного миров, существующие субъективно, психологически, и актуальные для индивида. Таким образом, внешний член интеракции состоит из явлений внешнего мира, однако не в значении, которое подразумевает их объективное существование, а в психологическом смысле, т.е. с учетом воздействия, оказываемого ими на действующего в конкретный момент времени субъекта.

Принципиальное значение имеет вопрос, выдвинутый психологами-ситуационистами (Е. Брунстик, Р. Липер, Э. Толмен), которые, в частности, упрекали Левина в игнорировании объективной среды, утверждая, что психологическая теория

должна учитывать влияние, оказываемое на жизненное пространство извне. В ответ на это К. Левин формулирует следующее положение: психологии следует говорить о факторах психической и социальной действительности, актуально действующих на жизненное пространство. Пища в конце лабиринта, по ту сторону дверей, не станет частью жизненного пространства, если животное посредством зрения или обоняния не узнает о ней. Когда индивид знает, что за дверьми лежит пища, это знание, разумеется, задано в жизненном пространстве, поскольку воздействует на поведение. Е. Брунстик полагает, что следует принимать во внимание и физическую среду, не воспринимаемую в данный момент времени, с вероятностной точки зрения, т.е. постольку, поскольку она в принципе может воздействовать на субъекта.

К. Левин по существу соглашался с подобной постановкой вопроса, однако требовал четкого размежевания субъективной и объективной вероятностей. Если сидящий в комнате человек уверен, что потолок не обрушится ему на голову, при прогнозировании его поведения должна быть учтена именно эта субъективная вероятность, а не рассчитанная инженером объективная вероятность, о которой индивид ничего не знает. Но при прогнозировании поведения на долгосрочную перспективу придется в определенной степени учитывать и связанные с объективной средой статистические данные. Желание обеспечить образование для своего ребенка в будущем или попытка предсказания того, в какой ситуации окажется индивид в результате определенных действий, с необходимостью требует расчета этого будущего. Исходя из этого, К. Левин предлагает новую сферу исследования – *психологическую экологию*, задача которой состоит в предсказании того, какие переменные объективной среды будут воздействовать на индивида в определенном будущем [7]. К сожалению, К. Левин не успел более точно определить данную сферу исследования. Поэтому не совсем ясно, как далеко следует идти по пути учета данных объективной среды, относящихся к сфере возможностей и вероятностей. Следует учесть, что состояние среды в общем может быть двояким: стационарным, или детерминистическим, и вероятностным, или рискованным. Первое – это состояние с более или менее определенными и однозначными условиями действия. Во втором случае внешние условия активности в принципе носят неопределенный, вероятностный характер, поведение связано с риском, поскольку предвидеть его последствия трудно или вовсе невозможно.

При уточнении состава факторов интеракции необходимо четко размежевать две позиции: *индивид-среда* и *врожденное-приобретенное*. В различных моделях и в посвященной методологии интеракционизма литературе говорится либо об одной, либо о другой позиции, иногда – об обеих вместе, причем в синонимическом значении. Интеракционизм, известный как теория конвергенции В. Штерна, затрагивает врожденные и приобретенные аспекты развития. Модель “жизненного пространства” К. Левина описывает интеракцию среды и личности, вообще не касаясь аспекта врожденное–приобретенное. Последний учитывается преимущественно при характеристике внутреннего фактора – некоторые составляющие его переменные в основном являются приобретенными, а некоторые – врожденными, хотя в этологии исследуются и средовые врожденные “включающие стимулы” инстинктивного поведения. Но полноценный интеракционизм должен охватывать обе позиции, что, как это ни удивительно, не всегда осознается надлежащим образом.

Даже в случае установления “объективного перечня” членов интеракции окажется необходимым выяснение форм их “субъективной”, *психической репрезентации*. А такие формы весьма многочисленны, причем применительно к каждому отдельному фактору. Здесь действительно приходится учитывать множество обстоятельств: на каком уровне или в каком состоянии сознания задана та или иная переменная; например, осознаваем или не осознаваем мотив, какие комбинации он создает с другими психическими феноменами. Чего стоит уже один тот факт, что современная психология, по сути, отказывается от однозначного подразделения психических явлений на три категории (т.н. “трихотомия души”), признавая, что в любом психическом феномене фактически заданы (пусть в различных долях) когнитивный, эмоциональный и мотивационный компоненты. В рамках поведенческих моделей когнитивной психологии часто пишут о когнитивно-мотивационных, когнитивно-эмоциональных, эмоционально-мотивационных образованиях, о трехкомпонентной модели аттитюда и др. Очевидно, что объективный состав ситуации и формы ее психического отражения должны быть размежеваны. Что должно быть учтено в интеракционистской модели поведения – первое или второе, или, скорее, и то, и другое вместе, но в какой пропорции и в каком соотношении? Что и насколько нужно учитывать при прогнозировании поведения – реальные психофизические возможности индивида или его переживание самоэффективности, объек-

тивные показатели его интеллекта или его собственную оценку своих способностей? Стройная интерактивная теория должна располагать ответами на данные вопросы.

МЕХАНИЗМ ПОВЕДЕНИЯ КАК ЕДИНСТВО ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ФАКТОРОВ

После установления и исчерпывающей характеристики каждого члена интеракции, выяснения соотношения между натуральным состоянием и психической репрезентацией участвующих в интеракции переменных, встает самый сложный вопрос: как и в какой форме происходит вторичная интеракция этих взаимозависимых факторов в процессе активности, их объединение в феномен, выступающий в виде реального и непосредственно действующего механизма, обеспечивающего поведение. В преобладающем большинстве теорий данный вопрос не только не решен, но и даже не поставлен. Простого указания на то, что поведение является результатом взаимодействия внутренних и внешних факторов, конечно, недостаточно для построения полноценной теории интеракционизма; *необходимо показать, как осуществляется это взаимодействие в едином механизме конкретного поведения, что представляет собой данный механизм как реальное психическое явление.*

Необходимость этого отчетливо понимал К. Левин. Его “жизненное пространство” – результат такого поиска. Мысль К. Левина развивалась в верном направлении, однако не была доведена до должного уровня: не была найдена реальность, в которой естественным образом были бы объединены все факторы, необходимые для детерминации активности. Объединение мотивации и ситуации в жизненное пространство неопределенной природы и феноменологии не может считаться решением вопроса. Жизненное пространство *LSp* (*Life Space*) автор выразил в виде эллипса с личностью *P* (*Personality*) в центре и окружающей ее психологической средой *E* (*Environment*). Однако это – всего лишь графическое отображение, ничего не добавляющее к тому, что выражено формулой $B (Behavior) = f(LSp) = f(P,E)$: поведение протекает в жизненном пространстве, которое, в свою очередь, представляет собой функцию внутреннего состояния индивида и связанной с ним ситуации. Однако нужно выяснить именно психологическое значение *f*, а это означает выявление соответствующей психологической реальности, объединяющей *P* и *E*. Где, в какой инстанции, со-

гласно данной модели, встречаются друг с другом члены интеракции? Очевидно, это не происходит в индивиде, в противном случае выражение было бы иным, с прямой указкой на это – жизненное пространство было бы размещено в личности, а не наоборот. В то же время подчеркивается, что жизненное пространство – психологический мир. А коль скоро это так, оно должно размещаться в субъекте – место психологического мира в психике. Психологический мир, разумеется, подразумевает среду, но отраженную субъектом и перенесенную в субъект. Но и здесь (то есть в субъекте, внутри *P*) нужно найти неразрывно увязывающее их целостное состояние, объединяющее психические данные, необходимые для осуществления целесообразного поведения, и тем самым выступающее в роли реального механизма деятельности. В топологической теории поля подобный механизм не предусмотрен. Явлению, которое должно было взять на себя эту функцию, т.е. жизненному пространству, недостает онтологической определенности – оно не располагается ни в субъекте, ни в среде. Возможно, это какая-то иная, совсем *новая онтологическая действительность*, однако это следовало бы обосновать и показать [7].

Поскольку речь идет о детерминации такой сложной системы, как деятельность, то в данном контексте имеет смысл говорить о *системообразующем факторе*, который определяет явление упорядоченного взаимодействия между множеством компонентов системы (назовем их по аналогии *системосоставляющими факторами*). Цель поиска системообразующего фактора должна состоять в решении не только описательной задачи обнаружения всех структурных элементов или факторов поведения, но и задачи объяснительной – в выявлении реального, конкретного фактора, объединяющего все найденные структурные компоненты в систему, называемую деятельностью или поведением, и обеспечивающего организованность их взаимосвязи или, что то же самое, целесообразность поведения.

В теории П.К. Анохина, который ввел в науку понятие системообразующего фактора, в качестве такового может рассматриваться т.н. “акцептор результата действия” [2]. В теории Д. Узнадзе системообразующим фактором поведения выступает установка, возникающая на основе внутренних (мотивационных и операционных) и внешних (ситуация) факторов, цементируя их в единую структуру [5].

Таким образом, создание полноценной интеракционистской модели с необходимостью требует решения нескольких задач: 1) *установления со-*

става взаимодействующих внутренних и внешних факторов и выяснения соотношения между всеми существующими переменными; 2) характеристики психических репрезентаций данных факторов; 3) перехода от принципа обособленности индивида–среды к принципу их имплицитного единства; 4) нахождения и изучения той реальности, в которой реализуется это единство.

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ КАК ИНТЕРАКЦИОНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

С данной точки зрения, несомненно, интересна общепсихологическая теория Д. Узнадзе, позиции которой особенно сильны по последним двум пунктам. Действительно, данная концепция в методологическом плане построена на критике *эмпирического постулата* и на *теории коинциденции*. Последняя фактически говорит о первоначальной сущностной связи врожденных (внутренних) и приобретенных (внешних) движущих факторов развития. Данный взгляд Д. Узнадзе выдвинул в противовес теории конвергенции В. Штерна, согласно которой эндогенные и экзогенные факторы взаимодействуют в процессе развития как совершенно обособленные, автономные единицы. Д. Узнадзе справедливо отмечает, что полностью обособленные и гетерогенные явления не могут создать гармоничную связь, без которой невозможно ни развитие, ни поведение. Для разъяснения реальной детерминации развития и поведения следует исходить из того, что любой характеристике индивида соответствует какое-либо явление среды, или раздражитель. Потребность подразумевает предмет ее удовлетворения, орган ощущения – соответствующий раздражитель и т.д. Например, при попытке охарактеризовать функцию врожденной структуры глаза становится очевидным, что без учета совершенно определенных внешних условий, в частности, физических характеристик света, это окажется абсолютно невозможным. Структура и функция глаза прямо указывают на внешние условия, без которых их развитие невозможно. “Теперь, если спросить, – пишет Д. Узнадзе, – что у глаза врожденное, т.е. данное внутренне – только своя определенная структура или и те условия, в которых обычно происходит ее развитие, т.е. воздействие лучей, мы вынуждены будем признать, что поскольку структура такова, что подразумевает только определенные условия и указывает на эти условия, то врожденным является и то, и другое”

[21, с. 111]. Легко увидеть, что здесь стирается демаркационная линия между внешним и внутренним. Внутреннее не мыслится без внешнего; последнее (в данном случае – воздействие света), в свою очередь, подразумевает такую структуру, на которую оно в состоянии воздействовать. Электромагнитные волны не могут воздействовать на ухо, а воздушные волны – на глаз. Данная логика распространяется и на все остальные случаи. Исходя из этого, “понятие внутреннего уже содержит в своем содержании то, что считают внешним, и наоборот, понятие внешнего – то, что считают внутренним. Это значит, что размежевание содержаний этих понятий совершенно невозможно, и, следовательно, перед нами стоит факт *коинциденции* и *единства* понятий внутреннего и внешнего, врожденного и приобретенного” [там же].

В последующем Д. Узнадзе проанализировал т.н. “эмпиристический постулат”, который вместе с “постулатом непосредственности” рассматривался им как роковая ошибка ранее существовавших психологических систем, и преодоление которого стало основной методологической задачей его теории. Согласно *эмпиристическому постулату*, между индивидом и средой лежит пропасть, заполнение которой, т.е. встреча этих необходимых для реализации поведения факторов, осуществляется через научение, т.е. фактически случайным образом. Однако такое объяснение вряд ли приемлемо – хотя бы уже потому, что отданные на волю случая живые существа неизбежно обречены на гибель. *В теории самого Д. Узнадзе последовательно проведен принцип изначального единства факторов поведения – как с позиции индивид–среда, так и соотношения приобретенного и врожденного.*

Значение последнего в теории Д. Узнадзе зафиксировано, однако в рамках психологической школы установки оно теоретически не разрабатывалось и эмпирически не изучалось, что имело свои объективные причины. Советская идеология тех лет никак не способствовала исследованиям в данном направлении. Теория коинциденции была представлена Д. Узнадзе в монографии “Педология” (1933 г.). После печально знаменитого постановления 1936 г. Д. Узнадзе, естественно, прекратил работу в этом направлении. Ни в одной из своих последующих работ, в том числе и фундаментальной “Детской психологии” (1947 г.), он не упоминал об этой теории и практически не говорил о роли наследственности. У последующих поколений грузинских психологов также отсутствовала соответствующая исследовательская мо-

тивация, поскольку идеологический фундамент советской системы оставался принципиально социогенетической и социоцентристской доктриной с абсолютным приматом внешнего и приобретенного.

Определенное влияние оказали и начатые в семидесятых годах в рамках психологии установки активные социально-психологические исследования. Эти исследования обогатили теорию установки множеством новых полезных идей и данных, дали новый импульс ее развитию [8]. Вместе с тем развитие социальной психологии установки невольно усилило акцент на внешнем и приобретенном, поскольку социальная психология была и остается источником ситуационизма и, соответственно, антагонистом диспозиционизма и идеи серьезной генетической детерминированности внутреннего фактора.

Согласно данным современной науки, уровень генетической предопределенности многих аспектов психики человека довольно высок [12]. Особенно это касается диспозиций (например, темперамента, интеллекта), представляющих собой скорее врожденные, нежели приобретенные качества [1]. Генетически серьезно предопределен и характер. Правда, в настоящее время понятие “характер” почти полностью заменило понятие “личностных черт”, однако это не имеет решающего значения. По имеющимся данным в личностных чертах доля генетического фактора и социальной среды фактически одинакова [13].

В теории установки характер рассматривается как *диспозиция воли*, непосредственно увязываясь с понятием фиксированной установки, в частности, ее разновидностью, именуемой Д. Узнадзе *диспозиционной*. “Успешность волевого акта зависит от того, способна ли личность актуализировать данную установку под влиянием данной ситуации, т.е. имеется ли у личности эта установка диспозиционально. Стало быть, получается, то, что обычно именуется характером, на самом деле представляет собой диспозиционную установку личности, способность актуализации определенных установок” [22, с. 168]. Именно эти установки формируют личность и ее структуры, предопределяя то, в каком направлении развернутся действия человека в конкретных условиях. В дальнейшем рассмотрению диспозиционных установок большого личностного веса, как основных единиц структуры личности, личностных черт, в школе Д. Узнадзе было уделено серьезное внимание [11, 14]. Эти диспозиционные установки и, следовательно, соответствующие личностные черты фиксируются в процессе реализации

актуальной (ситуационной) установки, однако это не означает, что они полностью являются приобретенными качествами. Современные исследования личностных черт показывают, что доля врожденного элемента в них довольно высока [24].

В последние годы диспозиционная установка как понятие, выражающее личность, ее качества, плодотворно использована Ш. Надирашвили в т.н. “антропной теории установки” [9]. Он рассматривает личностные качества в значении социальных ориентаций, отношений и т.д., соотнося их с социальными фиксированными установками и полностью смещая акцент на приобретенное. Но человеку присущи и личностные, характерологические черты, а потому анализ соответствующих им диспозиционных установок с необходимостью требует учета врожденного измерения.

В рамках теории установки может быть рассмотрено два варианта врожденного. В одном случае подразумеваются *установки, фиксированные в процессе антропогенеза или историко-генеза и вошедшие в генетическое наследие индивида*. На существование подобных установок Д. Узнадзе указывал совершенно определенно: “Бывают случаи, когда активируются не установки, фиксированные индивидом на протяжении своей жизни, а установки, некогда зафиксированные в истории рода данного индивида” [20, с. 63]. Определенной конкретизацией этого общего тезиса можно считать т.н. “*функциональную тенденцию*”: “Данная потребность, называемая мною функциональной тенденцией, думается, представляет собой наследственно подкрепленную форму фиксированной установки, которая, можно сказать, переходит от поколения к поколению” [там же]. Потребность функционирования – это тенденция задействования психофизических сил и систем, или, словами Д. Узнадзе, “интерфункциональных” комплексов индивида, которые “формируются в процессе развития человечества, и каждое человеческое существо получает их по наследству в виде определенной возможности” [19, с. 362]. Подобно приобретенным в процессе жизни структурам, они хранятся в форме фиксированных установок. Таким образом, многое из того, что составляет участвующий в интеракции (коинцидентный) внутренний фактор, характеризуется через понятие полученной по наследству фиксированной установки. Не вызывает сомнений, что, если бы у Д. Узнадзе была возможность, он несомненно углубил бы анализ данного явления и попытался по своему обыкновению изучить его экспериментально.

Возможен и иной анализ врожденности установки. В данном случае речь идет не о наследственной заданности определенных установок, а о *генетической предопределенности формальной структуры, типа установки, характерной для индивида*. Существуют и определенные эмпирические данные в пользу этого соображения. В исследовании М. Сакварелидзе и К. Цинадзе установка была изучена под углом генетической детерминации шизофрении. Авторы предполагали, что установка как организующая личность структура может генетически носить признаки предрасположенности к заболеванию. Полученные ими данные подтвердили это предположение [15]. О некоторой наследственной предопределенности свидетельствуют и исследования В. Норакидзе, выявившие определенную константность типа установки [10]. Лонгитюдное исследование А. Григолава показало, что формально-типологическая структура установки представляет собой устойчивую характеристику личности, что, по мнению автора, указывает на участие генетического фактора в ее формировании [4]. Тем не менее, этих исследований еще недостаточно для серьезного теоретического обобщения; необходимы надежные данные, полученные с помощью арсенала современной психогенетики. Это – стоящая перед психологией установки сложная, но актуальная задача. Однако следует подчеркнуть, что все вышесказанное в связи с усилением генетического аспекта в теории установки не должно быть сочтено проявлением биологизма. Речь идет всего лишь о попытке преодоления определенного социологического уклона, укоренившихся опасений и табу и, в конечном итоге, обосновании уравновешенной позиции интеракционизма.

Наконец, можно сказать, что в истории психологии Д. Узнадзе был тем мыслителем, который поднял анализ принципа интеракции на качественно иной уровень. Он четко сформулировал идею *изначальной связи факторов поведения*, сделав ее одним из основополагающих методологических постулатов своей теории. Следует отметить, что данный принцип распространяется на оба аспекта интерактивного подхода: как на внутреннее–внешнее (индивид–среда), так и на врожденное–приобретенное. Несомненно, самая большая заслуга Д. Узнадзе состоит в том, что он теоретически разработал понятие установки, подразумевающее предшествующее поведению объединение этих изначально взаимосвязанных, но все же отдельных факторов. *Установка как своеобразное целостное состояние увязывает факторы поведения, проявляясь в виде психического субстрата их взаимодействия*. Большое

значение работ Д. Узнадзе и его школы заключается еще и в том, что путем экспериментального исследования были установлены многие существенные характеристики этого узлового пункта интеракции, этой специфической реальности.

Все это, разумеется, не означает, что теория установки – завершенное учение, в котором исчерпывающе решены упомянутые выше задачи, необходимые для создания полноценной модели интеракционизма. Еще со времен Д. Узнадзе остался целый ряд вопросов, нуждающихся в уточнении или ином осмыслении. В этом направлении в грузинской психологической школе работа ведется и сегодня, однако не столь активно, как раньше. Что касается самих вопросов, речь идет о составе внутренних и внешних факторов и их психической репрезентации. В частности, актуальной представляется задача установления и детальной характеристики структуры *третьего фактора установки*, упоминаемого чаще всего как *операционный фактор*, экспликация которого произошла в постузнадзевский период [8, 23]. Необходимо также уточнить понятие т.н. “*воображаемой ситуации*” особенно в свете ее противопоставления “*актуальной ситуации*”. Но больше всего вопросов, нуждающихся в уточнении, связано с мотивационным фактором установки и поведения. Тут наработано немало интересных и продуктивных положений относительно структуры мотивационной сферы и мотивационных процессов [5]. Однако по многим вопросам нет единой точки зрения, что открывает широкое поле для дальнейших исследований.

Достаточно спорным представляется старый вопрос об *онтологическом статусе установки*. Д. Узнадзе строил свою теорию как объяснительную для всей психической жизни, включая сюда явления сознания и деятельности. Это требовало определенного решения основополагающей для любого психологического учения *психофизической проблемы*. В более поздних работах данная проблема была сформулирована в максимально удобном для психологии виде – как методологический *принцип опосредования*, или *постулат непосредственности*. Принцип опосредования предполагает замену двучленной схемы “*среда–сознание*” на трехчленную, т.е. нахождение опосредующего звена. В ранних работах решение этой проблемы Д. Узнадзе усматривал в постулировании некоей новой реальности, связующей физическое и психическое, объективное и субъективное. Данная *подпсихическая, или биосферная реальность*, перекидывающая мост между физическим и психическим, представляет собой

“*принцип жизни*”, “в котором (Я, мое состояние) и объективное (внешний агент) встречаются и растворяются друг в друге, в котором различные аспекты субъективного и объективного уничтожаются, становятся ненужными и предстают в виде некоего нерасчлененного единства” [18, с. 184]. В дальнейшем это явление было обозначено термином “*установка*”.

Очевидно, что направленность теории Д. Узнадзе с самого начала была *истинно интеракционистской*. В контексте глобальной задачи объяснения психического во всех его ипостасях, и тем самым построения новой психологии, он искал явление (еще шире – реальность), в которой внутреннее и внешнее даны в неразрывном единстве. Она же в контексте объяснения целесообразности поведения выступает в качестве системообразующего фактора деятельности.

Итак, согласно Д. Узнадзе, постулат непосредственности можно преодолеть, найдя реальность, которая не является однозначно ни субъективным (внутренним), ни объективным (внешним). Эта позиция представляется вполне логичной. Она может быть квалифицирована как “*онтологический плюрализм*” [6] и явно противоречит идеологии того времени, категорически отвергающей допущение некоей *промежуточной реальности*. Может быть, поэтому, в разгул новой идеологической кампании, в конце жизни Д. Узнадзе сформулировал тезис однозначной психичности установки. Однако данный тезис входит в противоречие с исходным методологическим принципом теории: если установка опосредует всю психическую жизнь, она не должна однозначно принадлежать к миру психики, иначе получится, что психика опосредуется психикой.

Это отмечали некоторые грузинские и российские психологи, особенно представители школы А.Н. Леонтьева. Но предлагая в качестве опосредующего звена деятельность, последние попадают в ту же теоретическую ловушку. Деятельность, по необходимости обладающая психическим компонентом, пусть даже выступающим лишь ее ориентировочной частью [16], сталкивается с теми же противоречиями, что и психическая установка; постулат непосредственности не преодолевается – психика опосредуется все той же психикой.

Д. Узнадзе полагал, что для нашего сознания, знакомого лишь с полюсами субъективного и объективного, существование такой *психофизически нейтральной, снимающей субъект-объектную антитезу действительности*, оставалось незамеченным. Хотя, по его словам, туманные предположения на этот счет высказывались, например,

Платоном в теории анамнезиса или Лейбницем в концепции предустановленной гармонии. Но приоритет ее открытия Д. Узнадзе оставляет за собой. На самом деле подобные построения не чужды некоторым восточным философско-религиозным системам. Да и для современной западной философской и научной мысли, стремящейся заполнить субъект-объектную пропасть, биосферные идеи Д. Узнадзе не кажутся особенно экстравагантными. Возможно, поиск в этом направлении окажется плодотворным, как с точки зрения построения интеракционистской теории, так и в свете более общей задачи развития методологии интегративных исследований [17, 25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенк Г., Кэлмин Л. Природа интеллекта: битва за разум. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
2. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. Григолава А. Проблема наследственной определенности установки: лонгитюдное исследование // Актуальные вопросы современной психологии. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 2001. С. 37–40. (На груз. яз.)
5. Имедадзе И.В. Категория поведения в теории установки. Тбилиси: Мецниереба, 1991.
6. Кочорадзе Б. Систематологический анализ теории Д. Узнадзе по метаизмерению: Дис. ... канд. психол. наук. Тбилиси, 1993. (На груз. яз.)
7. Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
8. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. Тбилиси: Мецниереба, 1987.
9. Надирашвили Ш.А. Антропная теория установки. Тбилиси: Опиза, 2001. (На груз. яз.)
10. Норакидзе В.Г. Типы характера фиксированная установка. Тбилиси: Мецниереба, 1966.
11. Норакидзе В.Г. Свойства личности и фиксированная установка // Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 130–136.
12. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. СПб.: Еврознак, 2003.
13. Первин Л., Джонс О. Психология личности. М.: Аспект-Пресс, 2000.
14. Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1967.
15. Сакварелидзе М.А., Цинцадзе К.Д. К вопросу о наследственной предрасположенности к шизофрении // Медицинская психология / Ред. М.А. Сакварелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1983. С. 111–122.
16. Соколова Е.Е. Методологическое единство CONTRA плюрализм: Школа А.Н. Леонтьева против современной дихотомизации психологии // Теория и методология психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 286–312.
17. Теория и методология психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007.
18. Узнадзе Д.Н. Основы экспериментальной психологии // Собр. соч.: В 9 т. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1960. Т. 2. (На груз. яз.)
19. Узнадзе Д.Н. Психология ребенка // Собр. соч.: В 9 т. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1967. Т. 5. (На груз. яз.)
20. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Собр. соч.: В 9 т. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1977. Т. 6. (На груз. яз.)
21. Узнадзе Д.Н. Теория развития ребенка: теория коинциденции // Узнадзе: антология гуманной педагогики / Под. ред. Н.В. Имедедзе, И.В. Имедедзе. М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 2000. С. 104–114.
22. Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004.
23. Чхартушвили Ш.Н. Некоторые спорные проблемы теории установки. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
24. Фернхем А., Хейвин П. Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001.
25. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005.
26. Ender N.S. Persons, situations and their interaction // Furder explorations in personality / Eds. A.I. Rabin, J. Arnoff, A.M. Barsley, R.A. Zucker. N.Y.: Wiley, 1981. P. 114–151.
27. Houts A.C., Cook T.D., Shadish W.R. The person-situation debate: A critical multiplist perspective // Journal of Personality. 1986. № 54. P. 52–105.
28. Magnusson D. Situational determinants of stress: an intereactional perspective // Handbook of Sress / Eds. A. Colberg, S. Breznits. N.Y.: Free Press, 1982. P. 65–98.
29. Ozer D.J. Consistency in personality: A methodological framework. N.Y.: Springer-Vergal, 1986.

INTERACTIONISM AND THE GENERAL PSYCHOLOGICAL THEORY OF SET

I. V. Imedadze

*Corresponding Member of Georgian National Academy of Sciences, Director
of D. Uznadze Institute of Psychology, Tbilisi*

The requirements to which genuine psychological theory must satisfy are considered in the article. Some specific tasks that are to be solved by such theory are pointed out. D. Uznadze's general psychological theory of Set is shown to be interactive ab origin. Principle of primordial unity of behavioral factors both from the position of individual–environment and relationship between innate and acquired was considered in terms of Set and coincidence.

Key words: interactionism, theory of Set, internal–external, innate–acquired, system-formative factor, theory of coincidence, fixative and dispositional sets.